

И снова о понятии “learning” в русскоязычном академическом дискурсе

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-53-62

Иванова Марина Авенировна – канд. пед. наук, доцент, ivanova_lgpu@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4578-2977>

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия

Адрес: 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Аннотация. Будучи одним из основных понятий дидактики, термин *learning* в публикациях многих российских исследователей переводится с помощью двух слов: «обучение» и «учение». Это кажется странным, так как эти два слова в русском языке не являются синонимами и, более того, в традиционной российской дидактике этими терминами принято обозначать абсолютно разные явления: обучением называют целостный процесс, включающий в себя деятельность обучающего (преподавание) и деятельность учащегося или студента, которую, в свою очередь, принято называть учением. Исходя из положения о том, что англоязычные понятия, используемые в международном академическом общении, должны быть адаптированы к национальной терминологии, традиционно сложившейся в дидактике той или иной страны, автор доказывает, что русским эквивалентом понятия *learning* может быть только один, а именно термин «учение», а единственно правильными вариантами перевода фразы *the shift from teaching to learning* и термина *student-centred learning* будут «сдвиг / переход от преподавания к учению» и «студентоцентрированное учение».

Анализ ряда дидактических понятий, широко используемых в публикациях зарубежных учёных-педагогов, позволил также сделать вывод о том, что студентоцентрированное учение является высшей точкой развития студентоцентрированного подхода, который в настоящее время превалирует в европейских странах. Это новый тип учения, при котором студент становится истинным субъектом своей деятельности и активным участником целостного процесса обучения, ставящим в центр своего внимания собственные интересы и потребности. В то же время ошибочная замена слова «учение» на «обучение», присутствующая в русскоязычном академическом дискурсе, не позволяет российским исследователям проблем дидактики высшей школы ясно увидеть суть этого нового типа учения.

Ключевые слова: учение, преподавание, обучение, сдвиг/переход от преподавания к обучению/учению, подход, центрированный на обучающем, студентоцентрированный подход, студентоцентрированное обучение/преподавание/учение, англо-русский словарь педагогической терминологии

Для цитирования: Иванова М.А. И снова о понятии “learning” в русскоязычном академическом дискурсе // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 53–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-53-62

About the Concept “Learning” in Russian-language Academic Discourse

Original article

doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-53-62

Marina A. Ivanova – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., ivanova_lgpu@mail.ru
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia
Address: 42, Lenin str., Lipetsk, 398020, Russian Federation

Abstract. Being one of the basic didactic terms, “learning” is frequently translated by Russian-speaking researchers as either “obuchenie” or “uchenie”. It seems strange, as these two words are not synonyms in Russian. Moreover, in Russian conventional didactics they denote two different phenomena: “obuchenie” refers to the entire educational process consisting of both the teacher’s and the learner’s activities while “uchenie” corresponds to the latter one. Successful international academic communication presupposes that any terms accepted by English-speaking professionals should be adapted to the national didactic concepts of this or that country. Taking this requirement into account, the author concludes that the only possible equivalent of “learning” in Russian is “uchenie”, not “obuchenie”, while the phrase “the shift from teaching to learning” and the term “student-centred learning” should be translated as “sdvig / perekhod ot prepodavaniya k ucheniyu” and “studentotsentrirovannoe uchenie” respectively.

The author comes to the conclusion that student-centred learning (SCL) opposed to student-centred teaching can be considered the highest point in the development of student-centred approach currently prevailing in European countries. SCL as a new type of learning means that the student becomes an active participant in educational process having his (her) own needs and interests in the focus of attention. The substitution of the word “uchenie” by the incorrect variant “obuchenie” existing in the Russian academic discourse nowadays prevents Russian-speaking researchers from seeing clearly the essence of SCL.

Keywords: learning, teaching, shift from teaching to learning, teacher-centred approach, student-centred approach, student-centred teaching, student-centred learning, English-Russian dictionary of pedagogical terminology

Cite as: Ivanova, M.A. (2021). About the Concept “Learning” in Russian-Language Academic Discourse. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 10, pp. 53–62, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-53-62. (In Russ., abstract in Eng.).

Происходящий в настоящее время процесс интернационализации российской педагогической науки заставляет педагогов высшей школы внимательно следить за развитием мировой педагогической мысли. Знакомство с ней подразумевает достаточно хорошее владение иностранным языком (чаще

всего английским). Очевидно, что далеко не все педагоги-исследователи в достаточной мере владеют этим умением, поэтому столь актуальной становится проблема грамотного перевода как текстов по данной тематике в целом, так и встречающейся в них педагогической терминологии.

Трудно не согласиться с тем, что у представителей стран, для которых английский язык не является родным, часто возникают трудности с толкованием терминов, используемых в англоязычных источниках [1]. От их адекватного понимания напрямую зависит наша, россиян, способность говорить «на одном языке» с представителями педагогической общественности других стран, в частности европейских, при обсуждении, например, вопросов, связанных с Болонским процессом. Если смысл какого-либо термина искажается, то в процессе такого общения неизбежным становится недопонимание, а порой и полное непонимание друг друга.

В связи с этим неудивительно, что в последнее время некоторые исследователи пишут о том, что для улучшения коммуникации между представителями российского и международного академического сообщества необходимо создать специальный понятийно-проблемный словарь англоязычной педагогической терминологии [2; 3]. Именно такой словарь мог бы стать общепризнанным инструментом для всех русскоговорящих учёных-педагогов и позволил бы чётко и однозначно понимать такого рода лексику при чтении интересующей их англоязычной литературы педагогического профиля. И хотя попытки создать словари педагогической терминологии уже предпринимались [4], однако вряд ли их можно считать широко известными, поэтому они остаются фактически без внимания современных исследователей.

Надо признать, что задачу создания подобного словаря нельзя считать простой, особенно если учитывать многозначность, которая присуща английскому языку, а также неполноэквивалентность лексики русского и английского языков. Кроме того, исторически сложившиеся в разных англоязычных странах традиции использования различных терминов для обозначения одних и тех же педагогических явлений также представляют немалую трудность при их переводе на русский язык, и наоборот. Ярким примером последнего случая может слу-

жить описанная Т.Ю. Поляковой ситуация с понятием «педагогика», которое в английской педагогической науке имеет сразу несколько эквивалентов: *pedagogy*, *pedagogics*, *education*, *education science*, *pedagogical science* [1].

Одним из понятий, которые наверняка войдут в будущий словарь педагогической терминологии, о котором шла речь выше, будет англоязычный термин *learning*, являющийся одним из основополагающих терминов дидактики как науки о процессе обучения. Однако наше внимание привлёк тот факт, что это слово в статьях и других изданиях российских исследователей переводится то как «учение», то как «обучение». В качестве доказательства приведём примеры словосочетаний, являющихся дидактическими терминами, одним из компонентов которых является это слово. Одновременно процитируем варианты перевода, предлагаемые различными авторами. Так, в уже изданном и упомянутом выше словаре педагогических терминов читаем: *learning* – *учение*, учебная деятельность, научение; *learning experience* – *опыт учения*; *learning motivation* – *мотивация к учению* и одновременно: *learning strategies* – *стратегии обучения*; *learning theory* – *теория обучения* [4].

Другой пример касается перевода фразы, которая отражает новую образовательную парадигму, принятую странами-участницами Болонского процесса в качестве стратегической линии: *the shift from teaching to learning*. У одних и тех же авторов её перевод постоянно варьируется. Если в одном месте встречается формулировка «сдвиг/переход от преподавания к обучению», то в другом – «от преподавания к учению/обучению» [5, с. 120; 123], а через какое-то время в другой статье появляется вариант «от преподавания к учению» [6, с. 143].

Более устойчивым в своём переводе стал термин *student-centred learning*. В последнее время во многих работах русскоязычных исследователей в качестве его эквивалента используется словосочетание «студенто-

центрированное обучение». Данное понятие получило даже свою аббревиатуру – СЦО – и именно в таком варианте используется в качестве уже устоявшегося понятия [см., например, 6–9].

Приведённые выше примеры наглядно демонстрируют то, что чёткого и однозначно-го понимания термина *learning* в нашей педагогической литературе пока не существует. В связи с этим закономерно возникает вопрос: что же такое *learning* – учение или обучение? Очевидно также, что напрямую связанное с ним понятие *teaching* также требует нашего внимания.

Прежде чем приступить к поиску ответа на поставленный вопрос, необходимо упомянуть статью Л.С. Гребнева, в фокусе внимания которого также оказалось слово *learning* [3]. Автор приходит к выводу о том, что оно, действительно, не всегда трактуется однозначно. Однако в своих рассуждениях он исходит из значения русского слова «учить» и образованного от него термина «обучение», который, по его мнению, в зависимости от контекста может иметь смысл то *learning*, то *teaching*. Такой вывод, на наш взгляд, не только не вносит ясности и однозначности в понимание всех этих терминов, но ещё больше запутывает читателей. Поэтому мы попытаемся построить свои рассуждения, исходя из другой логики, а именно посмотрим, что же такое *learning* в его изначальном значении.

Один из толковых словарей современного английского языка [10, p. 992] даёт следующее определение глагола *learn*: *to gain knowledge of a subject or skill by studying or by being taught* (приобретать знание предмета или какой-либо навык/умение, изучая его или будучи обучаемым кем-то). При этом очень важным считаем следующее дополнение к этому определению, также данное в этом словаре: *Do not say that 'you learn someone something' or 'learn someone how to do something'. Use 'teach' (не используй learn, когда хочешь сказать «учить кого-то чему-то» или «учить кого-то, как делать что-*

то». В этом случае используй *teach* – обучать кого-то чему-то (перевод в обоих случаях наш. – М.И.). Разница между данными глаголами, а значит, и между образованными от них существительными *learning* и *teaching* здесь показана очень ярко.

Исходя из такого понимания указанных существительных, сосредоточим своё внимание сначала только на двух из упомянутых выше и широко используемых в последнее время словосочетаниях, которые тесно связаны друг с другом: *the shift from teaching to learning* и *student-centred learning*. Суть и того, и другого, казалось бы, достаточно полно раскрыта в серии статей В.И. Байденко и Н.А. Селезневой, опубликованных в журнале «Высшее образование в России»¹. Однако в используемых ими эквивалентах названных выше словосочетаний – «сдвиг/переход от преподавания к обучению» и «студентоцентрированное обучение» – перевод интересующего нас слова *learning* как «обучение» представляется нам ошибочным. Причём предпосылку к обоснованию такого вывода находим у тех же авторов. Они упоминают две важные проблемы, касающиеся трансляции идей Болонского процесса во всех заинтересованных странах: проблему языка и проблему локальной интерпретации терминологии. С их точки зрения, *внутри российского контекста термины должны адаптироваться к имеющей свои немалые традиции образовательной культуре и практике* [5] (выделено нами. – М.И.).

Именно этот тезис заставляет нас обратиться к классической дидактической

¹ Байденко В.И., Селезнева Н.А. Нынешний раунд Болонского процесса: сохранение оптимизма. И немного о российском... (Статья 1) // Высшее образование в России. 2017. № 10 (216). С. 94–108; Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Обеспечение качества высшего образования: современный опыт (статья 2) // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 122–136; Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Оптика взгляда на будущее (статья 3) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 120–132.

терминологии, сложившейся в результате достаточно долгой истории развития российской педагогики. Она отражена во всех учебниках, по которым изучается педагогика в педагогических вузах страны. Согласно им, *обучением* обычно называют двусторонний процесс, в котором в тесном взаимодействии находятся педагоги и учащиеся. Процесс обучения как целостная система включает в себя *преподавание* (деятельность преподавателя/обучающего) и *учение* (деятельность учащегося/студента) [11, с. 187; 12, с. 135–157].

Исходя из этих положений получается, что упоминавшийся выше вариант перевода «от преподавания к обучению» русскоязычному педагогу следует понимать как движение от деятельности преподавателя к целостному процессу обучения, т.е. от части к целому? Что это означает, остаётся загадкой.

Предположим, что авторы такого перевода исходили из терминологии другой науки, родственной педагогике, но имеющей свой собственный понятийный аппарат, несколько отличающийся от дидактического. Имеется в виду педагогическая психология, в которой дидактический процесс обучения часто именуется «образовательным процессом», состоящим также из деятельности педагога, которую психологи называют «обучением», и деятельности ученика как «учения, или учебной деятельности» [13, с. 118]. И в этом случае «обучение» чётко соотносится с понятием *teaching*, в то время как «учение» – с *learning*. Снова возникает вопрос: чем «преподавание» как дидактический термин отличается от психолого-педагогического понятия «обучение»? Ведь и то, и другое – это деятельность преподавателя, педагога. Значит, предложенный вариант перевода следует трактовать как сдвиг/переход из одной точки в неё же? Можно ли тогда вообще называть это сдвигом/переходом?

Ещё один показательный в этом отношении фрагмент из той же статьи [5], в котором даётся краткая характеристика концепции student-centred learning, взятая из широко

известного и часто цитируемого в зарубежных источниках «Справочного руководства для студентов, сотрудников и высших учебных заведений» [14]. Приведём перевод этого фрагмента, предложенный авторами статьи, полностью: «опора на активное, а не пассивное обучение; акцент на глубоком изучении и понимании; повышение ответственности и подотчётности со стороны студентов; развитое чувство их самостоятельности; взаимозависимость между преподавателями и учащимися; взаимное уважение в отношениях между ними; рефлексивный подход к учебному процессу со стороны и преподавателя, и студентов» [5, с. 125].

В данной характеристике выделим только один тезис: опора на активное, а не пассивное *обучение* (заметим, что в оригинале оно формулируется так: *the reliance on active rather than passive learning*). У любого русскоязычного педагога этот тезис не может не вызвать вопрос: разве *обучение* как деятельность преподавателя может быть пассивным? Значит ли это, что любой обучающий может не готовиться к занятиям, не продумывать деятельность студентов, не контролировать ход учебного процесса, то есть фактически он просто может сидеть, ничего не делать, а обучение будет происходить как-то само собой, без его участия? Трудно даже представить такое. А вот *учение* пассивным быть может, причём оно является признаком формального подхода, при котором учащийся просто воспринимает преподносимый ему материал без активного участия в учебном процессе. Поэтому замена в приведённой выше цитате слова «обучение» на «учение» сразу ставит всё на свои места: необходимо опираться на активное, а не на пассивное *учение*.

Следовательно, наиболее адекватным переводом англоязычных терминов *teaching* и *learning* будут «преподавание/обучение» и «учение» соответственно.

Этот вывод сделан исходя из сути понятий, традиционных для российской дидактики. В то же время считаем необходимым в

Англоязычные термины, характеризующие два основных подхода к обучению

Таблица 1

Table 1

English terms characterizing two approaches to education

Teacher-centred approach (подход, центрированный на обучающем)	Student-centred approach (подход, центрированный на учащемся/студенте)	The shift from <i>teaching</i> to <i>learning</i>
<i>Teacher-centred learning</i> (учение, центрированное на обучающем)	<i>Student-centred teaching</i> (преподавание/обучение, центрированное на учащемся) <i>Student-centred learning</i> (учение, центрированное на учащемся)	

пользу этого вывода привести ещё и дополнительные аргументы, которые можно найти в англоязычных источниках, так или иначе касающихся проблемы взаимоотношений двух участников процесса обучения – обучающего и учащегося. Под первым понимается любой педагог, будь то учитель в школе или преподаватель высшей школы, под вторым – школьник или студент.

Следует заметить, что в дидактике англоязычных стран используется целый ряд понятий: *teacher-centred approach/pedagogy/learning* (подход/педагогика/учение, центрированные на обучающем), *learner/student-centred approach/pedagogy/education/teaching/learning* (подход/педагогика/образование/преподавание/учение, центрированные на учащемся/студенте) [15–23]. Несмотря на разнообразие формулировок, главное отличие между ними заключается в одном: на ком именно центрирован процесс обучения – на обучающем или учащемся. При этом наиболее общими, родовыми понятиями являются те, которые обозначают два противоположных по сути подхода: *teacher-centred approach* (подход к обучению, в центре которого стоит учитель, а не ученик, т.е. традиционная система обучения при пассивной роли ученика в учебном процессе) и *learner/student-centred approach* (подход к обучению, в центре которого стоит учащийся и при котором в центр обучения ставятся потребности и интересы учащихся). Очевидно, что эти два подхода всегда противопоставляются друг другу с помощью перечисления тех или иных характеристик,

по которым их можно чётко дифференцировать [15; 20; 21].

Кроме этих двух терминов, в последнее время активно употребляются и другие, которые также обычно противопоставляются друг другу. Они представлены в таблице 1 и распределены в соответствии с тем, к какому из двух противоположных подходов их можно отнести. При этом основания для их различения отражаются либо в том, кто находится в центре, либо в названии деятельности, центром которой он является.

Исходя из представленных в таблице терминов, можно сформулировать следующий вывод: в англоязычной литературе существует термин, чётко соответствующий русскоязычному «студентоцентрированному обучению» (в психолого-педагогическом смысле последнего слова). Им является *student-centred teaching*. Наряду с этим, таблица позволяет увидеть ещё одну важную, с нашей точки зрения, тенденцию, которая характерна для дидактики англоязычных стран. Имеется в виду тенденция развития самого студентоцентрированного подхода: если сначала его главной идеей было то, что именно обучающий ставит в центр своего внимания интересы и потребности учащегося/студента (*learner/student-centred teaching*), то затем этот тезис принял более радикальную форму – студентоцентрированное учение (*student-centred learning*). Он предполагает ситуацию, когда и сам студент ставит в фокус своего внимания имеющиеся у него потребности и интересы. Только в этом случае он превращается в истинного субъекта своей деятельности, спо-

собного брать ответственность за её успешное осуществление на себя. Поэтому вполне правомерным является такое дидактическое понятие, как «студентоцентрированное учение», как бы непривычно на слух русскоязычного педагога оно ни звучало.

В таблице также показана и с помощью стрелки наглядно продемонстрирована суть фразы *the shift from teaching to learning* – сдвиг/переход от преподавания к учению. Смысл её заключается в следующем: от *преподавания* как ситуации, когда *человека кто-то учит*, к *учению*, когда он *учится сам*. Причём эту фразу можно конкретизировать следующим образом: сдвиг/переход от студентоцентрированного *преподавания/обучения* к студентоцентрированному *учению* как высшей точке студентоцентрированного подхода. Такой тип учения означает, что студент принимает всю ответственность за свою учёбу на себя, полностью мотивирует своё учение, ставит лично значимые цели, имея в виду свои собственные интересы и потребности, а также организует свою учебную деятельность так, чтобы эти цели были успешно достигнуты. Понятно, что при этом роль обучающего как организатора, координатора, консультанта, помощника здесь остаётся, причём без него процесс обучения в принципе невозможен.

Если вернуться к ошибочному, как нам представляется, переводу термина *learning* как «обучение», используемому в русскоязычных публикациях, то возникает вопрос о причинах его появления. По нашему мнению, одна из них заключается в том, что тот, кто первым предложил такой вариант перевода, пользовался одним из онлайн-переводчиков, которые действительно выдают именно этот, неправильный вариант. Очевидно, что он внесён в программу человеком, который очень далёк от педагогики и её терминов, для которого разницы между «обучением» и «учением» просто нет. Такое объяснение лежит на поверхности.

Если же попытаться разобраться в причинах появления ошибочного перевода тер-

мина *learning* более глубоко, то одной из главных, на наш взгляд, является чрезвычайная сложность процесса обучения, проявляющаяся в его двустороннем, двуедином характере и наличии сразу двух субъектов и осуществляемых ими двух видов деятельности – преподавания и учения. Их невозможно отделить друг от друга и как-то разграничить, они крепко переплетены друг с другом, причём первое не существует без второго, точно так же, как второе без первого.

Можно также предположить, что ещё одной причиной неправильного толкования термина *student-centred learning* является стереотипность мышления некоторых, а возможно, и многих наших учёных-педагогов, которые считают, что если студент и может быть центром чего-либо, то только обучения как деятельности преподавателя. Если попытаться оценить ситуацию употребления неправильного русского эквивалента «студентоцентрированное обучение» объективно, то получается, что наши англоязычные коллеги в своём понимании современного процесса обучения опережают нас, находясь на шаг впереди, а мы в своих представлениях остаёмся как бы на предыдущем этапе, который по-английски называется *student-centred teaching*.

Предвижу вопрос читателей, особенно тех, кто глубоко погружён в эту проблематику и уже посвятил свои публикации так называемому «студентоцентрированному обучению»: что делать с этим уже устоявшимся термином и его аббревиатурой – СЦО, нужно ли от них полностью отказаться? Мы считаем, что сам по себе данный термин вполне правомерен, если под ним, как было показано выше, подразумевается *student-centred teaching*. Однако более точным будет понимание его как процесса *обучения* (в дидактическом смысле слова) или, что предпочтительнее, *образования* в целом, который включает в себя деятельность обоих его участников – и преподавателя, и студента, причём в этом случае и преподавание, и учение должны быть центрированы на студенте. И тогда наиболее адек-

ватным его английским эквивалентом будет *student-centred education* (студентоцентрированное образование – СЦО).

Таким образом, однозначное толкование термина *learning* как *учения* наиболее полно отвечает сути англоязычных терминов, имеющих это слово в своём составе. Оно позволяет не только чётко отделить друг от друга, а значит, определить разницу между обучением и учением, но и увидеть суть *учения нового типа – студентоцентрированного*, к которому призывают переходить наши зарубежные коллеги в рамках Болонского процесса и при котором студент, являясь полноправным участником и истинным партнёром преподавателя, становится активным субъектом как собственного учения, так и процесса обучения в целом.

Несмотря на то, что в статье рассмотрены далеко не все англоязычные термины, содержащие слово *learning* (например, *blended learning*, *e-Learning*, *lifelong learning* и др.), полагаем, что сделанный нами вывод о его толковании распространяется и на них. Кроме того, надеемся, что данный вывод будет учтён авторами будущего словаря педагогической терминологии, используемой при обсуждении проблем высшей школы в общении с зарубежными коллегами, создание которого, действительно, является чрезвычайно актуальной задачей.

Литература

1. Полякова Т.Ю. Проблемы толкования инженерно-педагогической терминологии в международном общении // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 104–109.
2. Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Обеспечение качества высшего образования: современный опыт (статья 2) // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 122–136.
3. Гребнев А.С. Learning как «обучение»: особенности национальной терминологии (Комментарий к статьям В.И. Байденко, Н.А. Селезнёвой) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 133–135.
4. Фёдорова Н.В., Лапчинская В.П. Англо-русский учебно-педагогический словарь: около 2000 терминов с толкованиями. М.: ООО «Издат-Школа», 1998. 160 с.
5. Байденко В.И., Селезнёва Н.А. Оптика взгляда на будущее (статья 3) // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 120–132.
6. Байденко В.И. Болонский процесс: в преддверии третьего десятилетия // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 136–148. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-136-148>
7. Кисель О.В., Дубских А.И., Бутова А.В. Трудности применения студентоцентрированного подхода в российском высшем образовании // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8/9. С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103>
8. Лукашенко М.А. Селф-менеджмент студента как основа результативности e-Learning // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 61–70. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-63-73>
9. Романова Г.М., Ермакова В.П., Мазниченко М.А. Реализация академических прав студентов: Россия в Болонском процессе // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-34-45>
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2009. 2082 p.
11. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. М.: Школа-Пресс, 1997. 512 с.
12. Педагогика. Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. 640 с.
13. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2007. 384 с.
14. Attard A., Di Iorio E., Geven K., Santa R. Student-Centred Learning. Toolkit for students, staff and higher education institutions ESU. The European Students' Union. Brussels, October 2010. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539501.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).
15. Attard A., Di Iorio E., Geven K., Santa R. Student Centered Learning. An Insight into Theory and Practice. Bukarest: Education International, European Student's Union, 2010. 82 p. URL: http://www.ehea.info/Upload/document/consultive/esu/2010_T4SCL_An_Insight_

- Into_Theory_And_Practice_565074.pdf (дата обращения 12.09.2021).
16. *Lathan J.* Complete Guide to Teacher-Centered vs. Student-Centered Learning // University of San Diego. URL: <https://onlinedegrees.sandiego.edu/teacher-centered-vs-student-centered-learning/> (дата обращения 12.09.2021)
 17. *Mascolo M.F.* Beyond Student-Centered and Teacher-Centered Pedagogy: Teaching and Learning as Guided Participation // Pedagogy and the Human Sciences. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 3–27.
 18. *McMillan F.C.* Student-Centered Learning Strategies. *Teaching Strategies*. 2020. July. URL: <https://www.teachhub.com/teaching-strategies/2020/07/student-centered-learning-strategies/> (дата обращения 12.09.2021).
 19. *Oinam S.* Student-Centered Approach to Teaching and Learning in Higher Education for Quality Enhancement // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). 2017. Vol. 22. Issue 6. Ver. 13. P. 27–30. DOI: 10.9790/0837-2206132730
 20. *O'Neill G., McMabon T.* Student-centred learning: What does it mean for students and lecturers? // O'Neill, G., Moore S., Mc Mullin B. (Hrsg.). *Emerging issues in the practice of university learning and teaching*. Dublin: AISHE, 2005. P. 27–36.
 21. *Serin H.* A Comparison of Teacher-Centered and Student-Centered Approaches in Educational Settings // *International Journal of Social Sciences and Educational Studies*. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 164–167. DOI: 10.23918/ijsses.v5i1p164
 22. *Taylor J.* What is student centredness and is it enough? // *The International Journal of the First Year in Higher Education*. 2013. Vol. 4. No. 2. P. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.5204/intjfyhe.v4i2.168>
 23. *Wulf C.* «From Teaching to Learning»: Characteristics and Challenges of a Student-Centered Learning Culture // Mieg H.A. (Ed). *Inquiry-Based Learning – Undergraduate Research*. Springer, Cham, 2019. P. 47–55. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14223-0_5

Статья поступила в редакцию 19.06.21

Принята к публикации 12.09.21

References

1. Polyakova, T.Y. (2018). The Problems of Engineering Pedagogy Terms Interpretation in the International Communication. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 5, pp. 104–109. (In Russ., abstract in Eng.).
2. Baidenko, V.I., Selezneva, N.A. (2017). Quality Assurance in Higher Education: Up-to-Date Experience (Paper 2). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 11 (217), pp. 122–136. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Grebnev, L.S. (2017). “Teaching and Learning”: Features of National Terminology. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 12 (218), pp. 133–135 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Fedorova N.V., Lapchinskaya V.P. (1998). *Anglo-russkii uchebno-pedagogicheskii slovar': okolo 2000 terminov s tolkovaniyami* [English-Russian Pedagogical Training Glossary]. Moscow : Izdat-Shkola Publ., 160 p.
5. Baidenko, V.I., Selezneva, N.A. (2017). Optics of Looking to the Future (Paper 3). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 12 (218), pp. 120–132. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Baidenko, V.I. (2018). Bologna Process: At the Threshold of the Third Decade. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 11, pp. 136–148, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-136-148> (In Russ., abstract in Eng.).
7. Kisel, O.V., Dubskikh, A.I., Butova, A.V. (2020). Difficulties in Applying a Student-Centered Approach in Modern Russian Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 8–9, pp. 95–103, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103> (In Russ., abstract in Eng.).
8. Lukashenko, M.A. (2021). Self-Management Skills as a Basis for the Effectiveness of e-Learning. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 2, pp. 61–70, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-63-73> (In Russ., abstract in Eng.).

9. Romanova, G.M., Erdakova, V.P., Maznichenko, M.A. (2019). Realization of Students' Academic Rights: Russia in the Bologna Process. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 1, pp. 34-45, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-1-34-45> (In Russ., abstract in Eng.).
10. (2009). *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited, 2082 p.
11. Slastenin, V.A., Isaev, I.F., Mishchenko, A.I., Shiyanov, E.N. (1997). *Pedagogika: Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [Pedagogy: Study Guide for Teacher Training Students]. Moscow : Shkola-Press Publ., 512 p. (In Russ.).
12. Pidkastyi, P.I. (1998). *Pedagogika. Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i pedagogicheskikh kolledzhei*. Moscow : Pedagogical Society of Russia, 640 p. (In Russ.).
13. Zimnyaya, I.A. (2007). *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Society]. Moscow : Logos, 384 p. (In Russ.).
14. Attard A., Di Iorio E., Geven K., Santa R. (2010). *Student-Centred Learning*. Toolkit for Students, Staff and Higher Education Institutions ESU. Brussels, October. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539501.pdf> (accessed 12.09.2021).
15. Attard, A., Di Iorio, E., Geven, K., Santa, R. (2010). *Student Centered Learning. An Insight into Theory and Practice*. Bukarest: Education International, European Students Union, 82 p. Available at: http://www.ehea.info/Upload/document/consultive/esu/2010_T4SCL_An_Insight_Into_Theory_And_Practice_565074.pdf (accessed 12.09.2021).
16. Lathan, J. Complete Guide to Teacher-Centered vs. Student-Centered Learning. *University of San Diego*. Available at: <https://onlinedegrees.sandiego.edu/teacher-centered-vs-student-centered-learning/> (accessed 12.09.2021)
17. Mascolo, M.F. (2009). Beyond Student-Centered and Teacher-Centered Pedagogy: Teaching and Learning as Guided Participation. *Pedagogy and the Human Sciences*. Vol. 1, no. 1, pp. 3-27.
18. McMillan, F.C. (2020). Student-Centered Learning Strategies. *Teaching Strategies*. July. Available at: <https://www.teachhub.com/teaching-strategies/2020/07/student-centered-learning-strategies/> (accessed 12.09.2021).
19. Oinam, S. (2017). Student-Centered Approach to Teaching and Learning in Higher Education for Quality Enhancement. *IOSR Journal of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. Vol. 22, issue 6, ver.13, pp. 27-30, doi: 10.9790/0837-2206132730
20. O'Neill, G., McMahon, T. (2005). Student-Centred Learning: What Does It Mean for Students and Lecturers? In: O'Neill, G. Moore S., Mc Mullin B. (Hrsg.). *Emerging Issues in the Practice of University Learning and Teaching*. Dublin: AISHE, pp. 27-36.
21. Serin, H. (2018). A Comparison of Teacher-Centered and Student-Centered Approaches in Educational Settings. *International Journal of Social Sciences and Educational Studies*. Vol. 5, no. 1, pp. 164-167, doi: 10.23918/ijsses.v5i1p164
22. Taylor, J. (2013). What Is Student Centredness and Is It Enough? *The International Journal of the First Year in Higher Education*. Vol. 4, no. 2, pp. 39-48, doi: <https://doi.org/10.5204/intjfyhe.v4i2.168>
23. Wulf, C. (2019). «From Teaching to Learning»: Characteristics and Challenges of a Student-Centered Learning Culture. In: Mieg H.A. (Ed). *Inquiry-Based Learning – Undergraduate Research*. Springer, Cham, pp. 47-55, doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14223-0_5

*The paper was submitted 19.06.21
Accepted for publication 12.09.21*